

Финансовая глобализация: политэкономический дискурс

Кузнецов Алексей Владимирович

д-р экон. наук, профессор кафедры мировых финансов
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
kuznetsov0572@mail.ru

Ключевые слова: финансовая глобализация, Великобритания, глобальный капитал, центр-периферийные отношения, глобальный корпоративный контроль, ТНК, оффшорные центры, английское общее право.

Keywords: financial globalization, the United Kingdom, the global capital, center-periphery relationships, global corporate control, TNCs, offshore centers, the English common law.

Термин «финансовая глобализация» все активнее внедряется в научный оборот. Глобализация рассматривается как некий объективный (позитивный) процесс — результат научно-технического прогресса, эволюционная закономерность развития социума, естественное следствие расширения пределов экспансии финансового капитала, мондиализации мира в процессе «творческого разрушения» национальных экономик, некое качественное изменение системы воспроизводства в условиях ограниченных ресурсов. Однако четкое понимание природы и движущих сил этого феномена до сих пор отсутствует.

Цель данной статьи — показать, что финансовая глобализация является инструментом унификации гетерогенных национальных социально-экономических моделей под единую систему норм и стандартов с целью осуществления управления глобальным социумом в интересах англосаксонского мир-системного ядра.

Следует подчеркнуть, что ключевая роль в создании институциональных основ финансовой глобализации принадлежит Великобритании, без революционных достижений которой глобализация едва ли бы состоялась в ее сегодняшнем представлении. Рассмотрим некоторые составляющие данной закономерности. Прежде всего необходимо отметить роль Англии в промышленной революции. Ведь именно широкомасштабное строительство железных дорог, пароходов, каналов, проведение межконтинентального подводного кабельного телеграфа впервые

позволило объединить мир в единую транспортную и коммуникационную систему, создать технические условия для всепланетарного развития торговли и обмена факторами производства.

В ходе проведения империалистической политики Британия насаждала в своих колониях и полуколониях собственные институты управления, юридические, образовательные и коммерческие стандарты, которые на последующих этапах позволили значительно снизить транзакционные издержки бизнеса в пользу формирующегося англосаксонского мир-системного ядра.

Разработанные английскими политэкономными теории свободного рынка и международного разделения труда, а также принципы невидимой руки и сравнительных преимуществ послужили мощным теоретическим фундаментом для утверждения капиталистического способа производства как наиболее отвечающего индивидуалистической природе человека в условиях возрастающих материальных запросов социума.

Еще одним важным новшеством, неизменно укрепившим позиции Британии в мировой экономике, стала централизация ее финансовой системы. Этот процесс начался в 1694 г. с созданием Банка Англии, который хотя и возник в форме частного акционерного общества, однако имел ряд принципиальных отличий от существовавших ранее банков-аналогов в других странах (в частности Венецианского и Амстердамского банков). Во-первых, целью создания Банка Англии было кредитование прави-

тельства, поэтому привилегии среди акционеров получали те, кто готов был предоставить ему нужную сумму. Во-вторых, Банк Англии непосредственно занимался поощрением развития торговли (до этого эта функция принадлежала в Англии гильдии золотых дел мастеров). В-третьих, Банк Англии стал активно поощрять хождение бумажных денег. Однако самым важным результатом централизации денежно-кредитного обращения стало снижение стоимости государственного кредита до 8% годовых — именно под эту ставку акционеры передавали весь подписной капитал в пользование правительства. До этого английские монархи занимали деньги в основном у золотых дел мастеров, и ставки по кредитам доходили до 25 и более процентов годовых, что было обусловлено высокими рисками невозвращения кредитов.

Главной целью создания центрального банка было обслуживание внутреннего государственного займа Англии для осуществления войны с Францией. Данный заем был впервые выпущен по всем современным правилам, то есть с обязательствами государства по уплате процентов. Именно с выпуском этого долга связывают появление в Лондоне первых настоящих биржевых маклеров, а также начало современной эпохи биржевых спекуляций и виртуализации финансовых рынков. С этого момента берет начало политика погружения суверенных государств в долговую яму фондовых бирж, а биржевой капитал становится «вершителем судеб, с помощью которого Лондон владеет половиной мира» [1, с. 115].

Следующим фактором, поспособствовавшим объединению мира в единую финансовую систему, стал золотой стандарт, окончательно введенный в Англии в 1821 г. после разгрома Наполеона. Благодаря закреплению за фунтом стерлингов статуса резервной валюты был изобретен способ перераспределения благосостояния в пользу Англии за счет ее основных торговых конкурентов. Это новшество впоследствии было воспроизведено через механизм Бреттонвудской системы в ныне действующем бумажно-долларовом стандарте, наделившим США «непомерной привилегией» в системе международной торговли и расчетов.

Именно с созданием в 1944 г. под политическим зонтиком США универсальных международных организаций — МВФ и МБРР (Всемирного банка) — был окон-

чательно заложен институциональный фундамент для перевода системы мирового хозяйства под контроль глобального капитала. Сегодня МВФ предоставляет финансовую «помощь» только тем странам, у которых образовалась наибольшая задолженность перед внешними кредиторами, тем самым обеспечивая гарантии возврата транснациональным банкам их кредитов. Данная схема была предельно четко изложена в одной из работ Нобелевского лауреата, бывшего главного экономиста Всемирного банка Дж. Стиглица. Характеризуя финансовую помощь МВФ странам Юго-Восточной Азии, пострадавшим от финансового кризиса 1997–1998 гг., он, в частности, отмечал: «Эти деньги послужили другим целям: они позволили странам обеспечить долларами свои фирмы, чтобы те смогли возратить западным банкирам их кредиты, кредиторы в результате не должны были в полной мере отвечать за последствия того, что они выдали плохие кредиты» [Стиглиц, с. 123]. «МВФ, — пишет далее Дж. Стиглиц, — рассматривает проблемы, исходя из... идеологии финансового сообщества, и это вполне естественно, потому что Фонд тесно... связан на его интересы» [2, с. 242]. Следует подчеркнуть, что МВФ не является частной организацией, а его капитал и прочие финансовые ресурсы формируются исключительно за счет правительств стран-членов Фонда.

В свою очередь Всемирный банк через свои структурные подразделения осуществляет проектное финансирование (МБРР), предоставление гарантий (МАИГ), разрешает инвестиционные споры (МЦУИС) и участвует в капитале предприятий развивающихся стран (МФК), тем самым прокладывая дорогу к освоению рынков этих стран крупнейшим западным ТНК. Примечательно, что свыше 90% своих ресурсов МБРР привлекает на частных рынках капитала путем выпуска облигаций на благоприятных условиях. К примеру, в 2014 г. МБРР выпустил облигации на рекордную сумму в 51 млрд долл., причем 69% было выпущено в долларах, в некоторых случаях под символический процент (0,5% годовых).

Ключевую роль в процессе перехода глобального капитала под контроль англосаксов играет система права. Следует подчеркнуть, что сегодня наиболее широко используемой правовой системой в мире является английское общее право, охватывающее 27%

из 320 мировых юрисдикций (еще 20 % юрисдикций используют американское общее право) [3, р. 25]. Чрезвычайное проникновение англо-американского общего права в сферу международного бизнеса выступает залогом исключительной роли англосаксов в мировых экономических процессах. Пятьдесят крупнейших, наиболее прибыльных и влиятельных в мире юридических компаний имеют англо-американское происхождение [3, р. 27]. Таким образом, англо-американское общее право превратилось в некий нехрестоматийный фактор производства, обеспечивающий транснациональные корпорации получение сверхприбылей на рынках других стран.

Не менее важным элементом успеха глобальной англосаксонской экспансии выступают международные стандарты финансовой отчетности. Сегодня в мировой практике используются два стандарта финансовой отчетности: английский МСФО и американский ГААР (применяемый главным образом только в США). Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО) были разработаны в период 1973–2001 гг. специально созданным в Лондоне Комитетом по международным стандартам финансовой отчетности. На современном этапе МСФО уже используют или находятся на стадии перехода к ним около 120 стран мира. Англосаксы занимают ведущие позиции в сфере международных аудиторских услуг: восемь из десяти крупнейших в мире аудиторских фирм англо-американского происхождения. Хотя в Великобритании действует около 7,4 тыс. аудиторских фирм, большинство услуг, в том числе международных, приходится на «большую четверку» аудиторских фирм: *PricewaterhouseCoopers, Deloitte, KPMG, Ernst & Young*.

Однако вернемся непосредственно к рассмотрению феномена финансовой глобализации. В определении МВФ, финансовая глобализация — это степень связи стран через портфель международных финансовых активов, измеряемая как суммарный размер валовых внешних активов и обязательств страны к ВВП [4, р. 2]. Исходя из данного определения, наиболее активными участниками процессов финансовой глобализации являются те страны, под контролем которых находится наибольший размер международных финансовых активов.

В 2011 г. под эгидой Евросоюза и Швейцарского федерального технологического

института в Цюрихе было проведено исследование «Сеть глобального корпоративного контроля». Его авторы проанализировали структуру собственности 43 000 транснациональных корпораций и выделили из них супер-группу, состоящую из 147 тесно связанных корпораций, которые контролируют 40 % остальных ТНК мира через владение их акциями. При этом из 50 компаний с наивысшим глобальным контролем 24 компании американские и 8 британские, а возглавила весь список английская компания *Barclays Plc.*, признанная экспертами мощнейшей финансовой группой мира [5, р. 4]. По данным, опубликованным в октябре 2013 г. компанией «Сити-Ю-Кей», США и Великобритания вместе контролировали 60 % международной валютной торговли, 72 % внебиржевой торговли процентными деривативами, 70 % рынка международных облигаций, 58 % частного выпуска акций, 79 % выпусков секьюритизированных финансовых продуктов, 83 % активов хедж-фондов [6, р. 5]. В 2013 г. совокупная доля доллара США и фунта стерлингов на мировом валютном рынке составляла 98,8 % против 7,0 % совокупной доли валют группы стран БРИКС (при определении долей валют исходят из общей суммы сделок покупки и продажи по каждой валюте 200 %). В 2014 г. всего семь англо-американских транснациональных банков контролировали 49,78 % мирового валютного рынка и 51,23 % рынка еврооблигаций развивающихся стран.

Следует подчеркнуть, что после краха Бреттонвудской золото-долларовой системы фиксированных валютных курсов были сняты какие-либо системные ограничения на глобальное движение капиталов. Последнее стало возможным вследствие масштабной дерегуляции финансового сектора в период проведения политики «тэтчеризма» и «рейганомики» в 1980-х гг., а также частичной отмены в 1999 г. ограничительных положений Закона Гласса—Стиголла, разделявшего деятельность инвестиционных и коммерческих банков. Таким образом, современная глобальная финансовая система работает в режиме «центр-периферийной» модели, описанной Дж. Соросом, согласно которой центр создает капитал, а периферия его использует, причем по правилам игры (финансовая либерализация), выгодным для центра [7]. Центр глобальной финансовой системы расположен в Лондоне

и Нью-Йорке (а также в подконтрольных англосаксам оффшорных юрисдикциях) — именно там обслуживается около 2/3 глобальных финансовых потоков.

Интересно также отметить, что английская королева является официальной главой государства в 18 из 42 крупнейших оффшорных центров по списку, составленному Форумом финансовой стабильности. К этим центрам относятся: Ангилья, Антигуа и Барбуда, Багамские острова, Барбадос, Бермудские острова, Белиз, Британские Виргинские острова, Гернси, Гибралтар, Джерси, Каймановы острова, Остров Мэн, Острова Кука, Ниуэ, Острова Сент-Китс и Невис, Сен-Висент и Гренадины, Сент-Люсия, Острова Теркс и Кайкос [8]. В этих центрах сосредоточены огромные финансовые активы, принадлежащие частным физическим и юридическим лицам. Например, Бермудские острова являются третьим в мире центром страхового бизнеса после Лондона и Нью-Йорка. Каймановы острова — первая в мире юрисдикция по числу хедж-фондов. На конец 2005 г. на Каймановых островах было зарегистрировано более 7 тысяч хедж-фондов, или 70% от их общего мирового количества. В 2007 г. активы банков из более чем 55 различных государств на Каймановых островах превысили 1,8 трлн долл. Гернси занимает третье место в мире после Бермудских и Каймановых островов по регистрации компаний, предоставляющих услуги кэптивного страхования. В свою очередь, с точки зрения размещения оффшорных компаний, мировым лидером являются Британские Виргинские острова. В 2005 г. их число здесь составило 707 тысяч, или в среднем около 30 оффшорных компаний на одного жителя. При этом прирост числа оффшорных компаний на Британских Виргинских островах в середине 2000-х гг. составлял 50–60 тыс. компаний в год. В середине 2000-х гг. на Багамах было инкорпорировано 47 тысяч оффшорных компаний, острове Мэн — 42 тысячи. На 1 октября 2007 г. на Джерси было зарегистрировано 33,6 тыс. компаний [9, с. 95, 155, 156, 159, 160]. Кроме того, в оффшорных центрах, которые признают английскую королеву главой государства, сосредоточены частные финансовые активы самых богатых людей планеты на сумму более 2,7 трлн долл. [10, р. 56].

Таким образом, Великобритания и США контролируют около двух третей междуна-

родных финансовых операций, фактически замыкая на себе глобальные потоки капитала. При этом доля англо-американских компаний и банков среди крупнейших ТНК мира остается наибольшей. Помимо контроля финансовых рынков, компании из США и Великобритании практически контролирует мировой рынок юридических и аудиторских услуг, что обуславливает тотальное проникновение англо-американского общего права и аудиторской практики в систему международных корпоративных и финансовых отношений.

Полтора столетия тому назад К. Маркс писал, что важнейшим признаком абсолютного ухудшения положения пролетариата при капитализме является отставание роста реальной заработной платы от расширения насущных социальных и культурных потребностей. Данная закономерность наиболее отчетливо проявила себя в настоящее время. Ведь несмотря на финансовый кризис, совокупный объем денежной массы в мире не уменьшился. Это произошло благодаря покрытию центробанками западных стран разницы списанных спекулятивных финансовых активов частных транснациональных банков. Только в 2008 г. из этой «разницы» Уолл-стрит выплатила сама себе 18,4 млрд долл. годовых премиальных, «заработанных» на кризисе [11]. При этом номинальные и реальные доходы населения понизились пропорционально повышению цен на товары и услуги, а также пропорционально снижению стоимости движимых и недвижимых активов. Таким образом, государство и население в очередной раз в истории превратились в заложников мировой банковской системы.

Как отмечают А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, «противоречия труда и капитала в экономике XXI века... не может не обострять антагонизм между принципами социального государства и законами жизнедеятельности глобального капитала» [12, с. 566]. По мнению профессора социальных наук Института перспективных исследований (Принстон, США) Д. Родрика, гиперглобализация (как процесс дальнейшего расширения пространства оперирования глобального капитала) может иметь место только при выполнении одного из условий: либо отказа от демократической политики, либо отказа от национальных государств. В этом заключается политическая трилемма мировой экономики. Отказ от демократической по-

ликти предполагает существенное ущемление прав и социальных гарантий трудящихся со стороны национальных правительств. С другой стороны, доверие рынков и глобального капитала можно завоевать путем изоляции экономических органов, обладающих политическим влиянием (центральных банков, налоговых властей, органов контроля и т. д.). Таким образом, вместо демократической политики можно пожертвовать национальным государством, создав «глобальное правительство». Однако, исходя из медленного опыта формирования наднациональных политических институтов в рамках Европейского Союза, по мнению Д. Родрика, федерализм в глобальном масштабе станет возможным не ранее, чем через столет. Поэтому наиболее реалистичный вариант развития американский ученый видит в отступлении от принципов свободного рынка (отказе от гиперглобализации) и возврате к некому подобию Бреттонвудской системы, основанной на контроле междуна-

родного движения капитала и управлении валютными курсами (современная модель Китая) [13, с. 408–413].

Следует, однако, напомнить, что успех функционирования Бреттонвудской системы во многом был обусловлен функционированием мировой экономики в режиме биполярной геополитической системы, служившей залогом соревновательного, а не конкурентного мирового развития. Вместе с тем восстановление биполярной системы мировой экономики возможно только на альтернативной ценностной платформе, представляющей собой качественный противовес современной системе глобализма, основанной на фетишизации золотого тельца. Такой альтернативой должна выступить Евразийская политэкономическая система, ориентированная на всестороннее развитие человека и социума, а не только его экономико-финансовой составляющей [14, с. 15–22], [15, с. 37–46], [16, с. 59–72].

Литература

1. Дионео (Исакк Шкловский). Очерки современной Англии. СПб.: Русское богатство, 1903. 558 с.
2. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. Пер. с англ. и примеч. Г. Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003. 300 с.
3. UK Legal services 2015: legal excellence, internationally renowned. London: TheCityUK, February 2015. 28 p.
4. Reaping the Benefits of Financial Globalization. IMF paper, June 2007. 50 p.
5. Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control // PLoS ONE. 2011. V. 6. № 10. P. 1–6.
6. Key Facts about the UK as International Financial Centre. London: TheCityUK, October 2013. 20 p.
7. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. С. К. Умрихиной, М. З. Штернгарца. М.: ИНФРА-М, 1999. XXVI, 262 с.
8. Offshore Financial Centers. IMF Background Paper. The Monetary and Exchange Affairs Department. IMF, 23 June 2000.
9. Хейфец Б. А. Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. М.: Экономика, 2008. 335 с.
10. Cahill K. Who Owns the World: The Hidden Facts Behind Landownership. Edinburgh and London: Mainstream Publishing, 2007. 640 p.
11. Robinson E. Idiots of the Universe: On Planet Wall Street, \$18 Billion in Bonuses // The Washington Post. 03.02.2009.
12. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» ge-loaded). Изд. 3-е, испр. и суш. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 912 с.
13. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. Пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 576 с.
14. Кузнецов А. В. Институциональная неадекватность глобальной финансовой системы // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 20.
15. Кузнецов А. В. Институциональные монополии в международном разделении труда // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 9.
16. Кузнецов А. В. Англо-американская дуополия в бесполярном мире // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 6.